

К ВОПРОСУ О КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОСНОВАХ КРАЙНЕ ПРАВОГО МОНАРХИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ И БЕЛАРУСИ НАЧАЛА XX в.

В статье рассматриваются истоки становления и развития монархического движения в Российской империи как политического явления конца XIX – начала XX в. Анализируется процесс трансформирования идеологических воззрений славянофилов в охранительное направление русской общественной мысли, ставшее теоретической базой политических постулатов крайне правых монархических союзов и партий: неограниченное самодержавие, приоритет православия, господство русской народности. Прослеживаются важнейшие причины раскола правоконсервативного лагеря на три течения: крайне правое, центристское и умеренно-правое. Статья является первой частью общей авторской концепции монархического движения в России начала XX в.

История Российской империи второй половины XIX – начала XX в. ознаменовалась ростом революционного движения и политическим противостоянием различных социальных сил, стремящихся доказать, убедить и отстоять в бескомпромиссной борьбе собственное право на приоритетную значимость только своих, коренных политических и социально-экономических устремлений и потребностей. Начатое противоборство было направлено на полное изменение веками утверждавшегося традиционного бытия миллионов людей, вело к нарастанию в обществе кризисных явлений, вселяло страх и неуверенность в завтрашнем дне. Страну ожидали непредсказуемые социальные потрясения.

В этих условиях единственным объединяющим началом, пытающимся подчинить отдельные интересы интересам целого, выступала монархическая власть, опирающаяся на дворянство и созданный на его базе многочисленный чиновничье-бюрократический аппарат. Она гарантировала господствующему сословию различного рода привилегии и их защиту от всевозможных посягательств со стороны власть неимущих. Будучи защищенным всей государственной системой, дворянство не стремилось к прямому политическому столкновению с враждебными или недружественными ему социальными силами и не видело необходимости в создании своих собственных политических организаций. Однако рост самосознания эксплуатируемых слоев населения и, как результат этого, подъем революционного движения заставили господствующее сословие задуматься над брэнностью своего существования и предпринять определенные шаги к созданию системы самозащиты.

Решение этой проблемы обеспечивалось тем, что теоретические основы будущего охранительного, а точнее, монархического движения были разработаны и получили статус официальной государственной политики еще в первой половине XIX в. В 1832 г. была провозглашена так называемая “теория официальной народности”, выраженная в известной триаде: “Православие, Самодержавие, Народность”. Ее создателем стал Сергей Семенович Уваров (1796 – 1855) – министр народного просвещения России с 1838 по 1849 г. [1, с. 643]. Свои консерва-

тивные идеи С.С. Уваров изложил в наиболее развернутом виде в четырех основных документах: в письме-меморандуме императору, датированном мартом 1832 г., в докладе “О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством народного просвещения”, представленном царю 19 ноября 1833 г., и двух юбилейных отчетах о деятельности Министерства народного просвещения в течение 5 и 10 лет (“Обозрение действий правительства за истекшее пятилетие” и “Десятилетие Министерства народного просвещения”) [2, с. 95].

С.С. Уваров и его сторонники смогли убедить ближайшее окружение императора Николая I в том, что эти три элемента традиционного бытия русского человека и составляют незыблемые и, более того, единственно возможные основы русского государственного строя, его прошлого, настоящего и будущего. Автор “теории официальной народности” считал, что православие составляет основу жизни русского человека, народного монархизма и патриотизма. “Самодержавие, – утверждал он, – главное условие политического существования России”, это фундамент, на котором держится все Российское государство. Народность, в понимании Уварова, такое же древнее понятие, как православие и самодержавие. Россия развивалась и будет развиваться благодаря своей народности, опираясь на православную веру и монархию, без возврата к прошлому, но и без решительного разрушения вековых традиций прошлых поколений [2, с. 99, 101, 103].

Идеи о самобытности исторического предназначения России в духе национальной народности нашли свое дальнейшее развитие в философских и исторических воззрениях славянофилов. По их мнению, истинная православная вера, пришедшая на Русь из его чистейшего источника – восточной (византийской) церкви, обуславливает особую историческую миссию русского народа. В православии (соборности – свободной общности) и приверженности русского человека к общинным формам бытия славянофилы видели глубинные корни русской народной души. Историческим воззрениям славянофилов была присуща идеализация допетровской Руси, которую они представляли себе гармоничным обществом, лишенным противоречий, являвшим единство народа и царя, “земщины” и “власти” [3, с. 550-551]. Суть известной триады в славянофильском понимании наиболее полно и рельефно выразил один из выдающихся идеологов этого направления общественной мысли, сын основателя и главы славянофильской школы А.С. Хомякова, Дмитрий Алексеевич Хомяков. В своем обстоятельном труде “Православие. Самодержавие. Народность” (Монреаль, 1982), состоящем из трех частей, написанных в период с 1899 по 1908 г., он отмечал: “Возвращаясь к определению смысла сопоставленных начал Православия, Самодержавия и Народности, заключим следующим замечанием об их взаимоотношениях. Вместе взятые они составляют формулу, в которой выразилось сознание русской исторической народности. Первые две части составляют ее отличительную черту; их русскому человеку следует охранять всемерно. Третья же, “Народность”, вставлена в нее для того, чтобы показать, что таковая вообще, не только как русская (ибо в таком случае она требовала бы точного определения), признается основой всякого строя и всякой деятельности человеческой... только самобытностью крепки народ и государство” [4, с. 206-207].

В дореформенный период славянофильство переживает внутренний кризис и на его основе (А.С. Хомяков, К.С. и И.С. Аксаковы, И.В. Киреевский, Ю.Ф. Самарин и др.) возникают почвенничество (Ф.М. Достоевский, А.А. Григорьев, Н.Н. Страхов и др.), а также охранительное направление консервативной идеологии, представленное именами князя В.П. Мещерского, М.Н. Каткова, Д.А. Тол-

стого, К.П. Победоносцева, К.Н. Леонтьева, Л.А. Тихомирова. Постепенно, под воздействием нарастающей радикализации русского общества, идеологи охранительно-государственного консерватизма перенесли центр формулы “Православие, Самодержавие, Народность” на “Самодержавие” [5, с. 83, 87-88]. Защищая идею сильной государственности, они доказывали, что только самодержец может избавить страну от крайностей диктатуры, революции и анархии и с минимальными издержками провести ее через перипетии модернизации. На это идейное наследие и старались опереться консервативно-монархические силы XX в.

Консерватизм (от латинского *conservare* – сохранять, охранять, заботиться о сохранении) – политическая идеология, ориентирующая на сохранение, поддержание исторически сложившихся форм государственной и общественной жизни, в первую очередь, морально-правовых ее основ, воплощенных в науке, религии, браке, семье, собственности [6, с. 135-136]. Принципиальными установками консерватизма современные исследователи считают: антидемократизм-антирационализм; традиционализм (приверженность традиционным формам общественного бытия. – К.Б.); культ церкви, семьи, школы; патриотизм; приоритет целого (государства, народа, нации) перед частью (классом, слоем, партией, индивидом); признание возможности лишь осторожных перемен и др. [см. 7]. Русский политический консерватизм в конце XIX – начале XX в. представлял собой своеобразную реакцию, во-первых, на либеральную, марксистскую и неонародническую идеологию, во-вторых, на все большую ориентацию и зависимость России от Европы. Отсюда появились два основных элемента в русской охранительной идеологии: антиреволюционность (антилиберализм) и антиевропеизм (национализм), которые были призваны отстоять и утвердить приоритет эволюционного пути развития страны при опоре на существующие основы бытия и национальных ценностей перед всеми прочими социальными ценностями при абсолютизации национальной истории и признания развития нации в качестве единственно возможного пути общественного прогресса.

В конце XIX – начале XX в. охранительно-консервативная идеология все больше сближается с практикой политической борьбы. Главными задачами сторонников охранительной мысли становятся: защита национальных основ, принципы самодержавной власти и православной религии, критика и неприятие либерального реформаторства и антиправительственных настроений, борьба против социализма и любых проявлений революционности. Те или иные постулаты охранительно-консервативной идеологии можно обнаружить практически в каждом общественном движении, в документах всех несоциалистических партий, но наиболее рельефно, полно и обстоятельно они нашли свое отражение и воплощение в программах и практической деятельности монархических союзов и организаций. Монархическими принято считать партии и иные политические и общественные образования, выступающие приверженцами и сторонниками монархизма – политического направления общественной мысли, имеющего целью установление и охранение монархии – формы правления, при которой верховная власть в государстве формально (полностью или частично) сосредоточена в руках единоличного главы государства – монарха.

Важнейшей специфической особенностью русской монархии было то, что она традиционно отождествлялась с самодержавием, а царь – самодержец – представлял собой не абсолютного (неограниченного) властителя, а суверенного монарха – носителя верховной власти в независимом как во внутренних, так и во внешних отношениях государства [5, с. 82-89; 8, с. 150-151].

Сторонники самодержавного строя в России постепенно составили всеобщую социальную базу монархического движения, которое представляло

собой многообразный процесс зарождения, становления и активной деятельности различных общественных сил, отстаивающих идеологические принципы охранительного традиционализма: самодержавие, православие, народность. Монархическое движение, как политическое явление российской действительности, непосредственно заявляет о себе в начале XX в. и становится реальной политической силой в ходе первой русской революции. Важнейшей предпосылкой возникновения монархического движения стало осознание значительной частью традиционалистски настроенного населения того обстоятельства, что царскому самодержавию, как многовековому фундаменту общественно-политического строя России, угрожает реальная опасность и что без массовой поддержки власть уже не в состоянии самостоятельно защитить самодержавную форму правления. Не случайно именно в это время возникают и разворачивают практическую работу по защите традиционных форм бытия партии правого, консервативного направления.

К правым партиям принято относить монархические партии крайнего и умеренного толка, отстаивавшие традиционный уклад жизни и выступавшие за сохранение общественно-политических и социально-экономических основ существующего строя. Правыми их называли потому, что в Государственной думе (как и в парламентах западных стран) они занимали правую от председателя часть зала заседаний. В России правые выступали за неограниченное самодержавие, за первенство православной веры и “истинно русских людей”, под которыми понимались собственно русские, украинцы и белорусы. Правые организации и объединения стали возникать еще в начале XX в., но в полном смысле партиями они становятся в 1905 г. как своеобразная реакция на развитие либерального и массового революционно-демократического движения. В апреле 1905 г. в Москве сторонниками неограниченного самодержавия как ответ на рескрипт Николая II от 18 февраля, содержащий заявление о созыве совещательного народного представительства, создаются Союз русских людей и Русская монархическая партия. В ходе первого года революции попутно с политическим самоопределением правящего класса на местах возникает несколько десятков различных патриотических обществ и дружин, получивших название “черных сотен”, рассматривающих всех пытающихся ограничить самодержавную власть царя как внутренних врагов России, с которыми необходимо вести самую непримиримую и беспощадную борьбу [9, с. 7].

Почти одновременно с появлением этих организаций и активизацией их антиреволюционной деятельности всех сторонников сохранения веками сложившихся в России традиционных устоев – православия, самодержавия, народности – идеологи либерализма и революционно-демократического движения стали именовать “черносотенцами”, вкладывая в это определение исключительно одиозное, крайне унижительное, проникнутое откровенной ненавистью значение. Хотя погромы, в большинстве случаев как ответ сторонников старых, привычных порядков на рост агрессивности, а часто и откровенной террористической деятельности левых революционных элементов, закончились к лету 1906 г. (в Беларуси последний погром был в г. Гомеле 13 января 1906 г. – К.Б.), термин “черносотенец” в смысле “погромщик” благодаря либеральной и революционной печати закрепился в общественном сознании по отношению к правым вплоть до их ухода с арены политической борьбы в 1917 г. Вместе с тем лидеры правых партий достаточно спокойно относились к подобному “клейму” и нередко с гордостью называли себя черносотенцами, как бы подчеркивая тем самым свое искреннее уважение к черносотенному, свободному городскому и сельскому населению, которое всегда, и особенно в смутные годы средневековья, как впрочем и в последующее время,

являлось естественной опорой и истинным защитником царя и основных устоев русского бытия [11, с. 9]. Идеологи монархизма вкладывали в понятие “черносотенец” подлинно демократический, глубоко народный, патриотический смысл. “Черносотенство”, – как отмечал известный русский мыслитель, писатель и историк Вадим Кожин, – отличалось от всех остальных политических течений своей, если угодно, “общенародностью”, оно складывалось поверх границ классов и сословий” [10, с. 27]. О том, что в “черносотенстве есть одна чрезвычайно важная черта... – темный мужицкий демократизм, самый грубый, но и самый глубокий”, писал в 1913 г. не кто-нибудь, а В.И. Ленин, которого заподозрить в симпатиях к сторонникам самодержавия просто невозможно [12, с. 18].

Обобщая вышесказанное, автор предлагаемого исследования, как и большинство современных историков, изучающих данную проблему, считает, что понятие “черносотенцы” вкуче с другими терминами и названиями сторонников самодержавия имеет право на существование и может быть признано тождественным понятиям “правый консерватизм”, “традиционализм” и “крайне правый монархизм”. Тем более, что представителей правых монархических партий и союзов современники именовали просто монархистами, а также консерваторами, патриотами, реакционными монархистами, революционерами “справа”, националистами, “истинно-русскими” людьми, охранителями, союзниками и т.д. и т.п. В целом все монархические партии и союзы, возникшие и действующие накануне и в годы первой русской революции, как и приняты в современной историографии, следует отнести к правому крылу российского консерватизма. Монархические организации были созданы, прежде всего, в качестве противовеса радикально-революционным партиям социалистического и либерально-буржуазного направлений, заявлявшим о необходимости уничтожения старого строя, под которым понималась самодержавная форма правления в виде неограниченной монархии. Важнейшими из них в 1905 – 1907 гг. были: Русское Собрание, Союз русских людей, Русская монархическая партия и Союз русского народа.

Все вышеназванные монархические объединения в годы первой русской революции являлись крайне правыми, так как выступали против каких бы то ни было демократических преобразований в области государственного устройства России и даже призывали к возвращению допетровских порядков. После ее поражения многие лидеры монархического движения все чаще склоняются к пониманию необходимости реформирования российской действительности, но при сохранении, как им тогда казалось, гаранта единства России – монарха, хотя и ограниченного в своей власти представительным законодательным учреждением в лице Государственной думы. Сторонников этих взглядов, признававших новое государственное устройство России, во многом созданное и существующее по воле царя, в обществе стали именовать умеренными правыми. Однако подобное деление носит в значительной степени достаточно условный характер. В самом движении после поражения революции, в период кризиса русского монархизма как политического течения, можно обнаружить не только крайне правые и умеренно-правые воззрения, но и черты центристского толка. Умеренные монархические партии и общества отличались от двух других монархических направлений наличием в их программных документах элементов, а то и требований либерального характера. Все это в одинаковой степени относилось как к общероссийским, так и национальным монархическим образованиям.

Идеологическим вдохновителем и мозговым центром консервативных сил, оказавшим решающее влияние на разработку программных требований и сыгравшим решающую роль в формировании и создании правых монархических партий и организаций России, было Русское Собрание, возникшее в Петербурге в октябре-

ноябре 1900 г. Устав этой первой легальной монархической организации был утвержден товарищем (заместителем) министра внутренних дел П.Н. Дурново 26 января 1901 г. [13, с. 157].

Основная цель Русского Собрания, как отмечалось в уставе, "... содействовать выявлению, укреплению в общественном сознании и проведению в жизнь исконных творческих начал и бытовых особенностей русского народа" [14, с. 419]. В качестве ближайших задач организация намечала изучение русской и славянской словесности, искусства, народного хозяйства, охрану чистоты, правильности русской речи и т.п. Поставленные цели и задачи свидетельствуют о том, что первоначально Русское Собрание носило культурно-просветительский характер с уклоном в сторону националистического славянофильства. Руководил Собранием Главный Совет из 18 человек, среди которых особо выделялись председатель князь Д.П. Голицин, а также М.Л. Шаховской, Б.В. Никольский, М.Н. Волконский, Н.А. Энгельгард, В.М. Пуришкевич и др.

С развитием революционного движения Русское Собрание постепенно включается в политическую деятельность. После выхода в свет Манифеста 17 октября 1905 г. в ноябре оно опубликовало свою избирательную программу, в которой утверждалось, что самодержавие не отменяется Манифестом, а Государственная дума не может ничего менять в основных законах, а только осуществлять разработку и обсуждение законодательных предложений, а также надзор за действиями исполнительных властей. Царь не несет ответственности за правительство, православная церковь сохраняет господствующее положение в стране, русский язык признается государственным. Обращение к избирателям оканчивалось националистическим лозунгом: "Россия для русских". Избирательная платформа Русского Собрания была строго выдержана в рамках теории официальной народности (самодержавие, православие, народность) и стала идеологической основой всего монархического движения [15, с. 10-11].

Сфера деятельности этой организации была весьма широкой и разносторонней. Кроме отмеченных выше, она решала и другие задачи: разрабатывала избирательные платформы правых в ходе подготовки и проведения выборов в Государственную думу, оказывала содействие в подготовке законодательных актов, проводила большую лекционно-пропагандистскую работу, стремилась активно противостоять деструктивным действиям левых партий, предпринимала усилия, направленные на сближение славянских народов, выступала инициатором создания монархических союзов на окраинах империи. В России в рассматриваемый период не было другой такой организации, которая аккумулировала бы в себе элиту и идеологические постулаты общеимперского монархического движения.

Русское собрание не ограничивало свою деятельность только столицей, а имело периферийные отделы в 20 городах России. В годы первой русской революции такой отдел возникает и в г. Вильна. По данным Департамента полиции МВД, его открытие совпало по времени с освещением памятника Екатерине II (сведения на начало 1906 г. – К.Б.) [16, л. 4]. После поражения первой русской революции известия о Виленском отделе Русского собрания становятся крайне скудными. По данным Ю.И. Кирьянова, число членов Русского Собрания в целом на территории Российской империи во второй половине 1914 – 1915 гг. составляло всего около 500 человек. Из белорусских городов, где имелись его представители, упоминается лишь г. Гомель [17, с. 81]. Свертывание активной деятельности Русского Собрания – политической партии крайне правых монархистов – произошло вскоре после того, как 29 января 1914 г. общее собрание исключило из Устава пункт "ж" статьи 3 и тем самым вернуло ее "... на прежний

путь спокойной академической работы” [17, с. 60]. С того времени и до роспуска в марте 1917 г. Русское собрание представляло собой небольшую организацию любителей и хранителей традиционных устоев русской культуры и русского быта.

Правомонархические партии, возникшие в период революции 1905 – 1907 гг., не раз отмечали особую роль Русского собрания и его лидеров в формировании и консолидации консервативных сил, их организационного оформления. Среди будущих руководителей ведущих общероссийских монархических союзов следует особенно выделить В.А. Грингмута, И.И. Восторгова, В.М. Пуришкевича, А.И. Дубровина, Н.Е. Маркова и многих других известных деятелей Русского Собрания.

Как уже отмечалось выше, в марте-апреле 1905 г. в Москве вокруг редакции “Московские ведомости” образовалась Русская монархическая партия. Руководителем временного центрального бюро, а затем председателем партии стал редактор – издатель газеты “Московские ведомости” В.А. Грингмут, а после его смерти в 1907 г. – протоиерей И.И. Восторгов. В 1911 г. партия была переименована в Русский монархический союз, устав и программа которого были утверждены в январе того же года [14, с. 424-425]. Русская монархическая партия выступала в защиту неприкосновенности самодержавия, привилегированного положения Русской православной церкви и великорусской народности. В отличие от своих собратьев, партия выступала против каких бы то ни было представительных учреждений, включая даже совещательные органы. Свою деятельность Русская монархическая партия концентрировала в основном вокруг Москвы, в центральных губерниях России.

Почти одновременно с ней на базе “кружка московских дворян, верных присяге” (создан еще до революции братьями-близнецами Павлом и Петром Шереметьевыми и объединявшим правое крыло земцев. – К.Б.) возникла монархическая организация под названием Союз русских людей, которая отличалась от Русской монархической партии тем, что признавала возможное существование законосовещательного Земского Собора для установления и укрепления единства царя с народом. Союз русских людей вел активную пропагандистскую деятельность и пользовался известностью на окраинах империи, в том числе и в белорусских губерниях. По данным Департамента полиции, Союзы русских людей были образованы в г. Гомеле Могилевской губернии, г. Пинске Минской губернии и Режицком уезде Витебской губерний. В г. Бобруйске возникло Патриотическое общество христиан, а в г. Могилеве – Партия русских людей [18, л. 25-60; 19, л. 2]. Однако все эти организации, как самостоятельные образования, просуществовали недолго и в ходе революции слились добровольно или были поглощены более сильными отделами Союза русского народа. Последние сведения о самом Союзе русских людей датируются летом 1908 г., в дальнейшем известия о нем исчезают из обозрений монархических съездов и правой печати [9, с. 8].

14 сентября 1905 г. в Саратове на совещании дворян губернии было положено начало созданию еще одной общероссийской монархической организации – Всероссийского союза земельных собственников, окончательно оформившейся в Москве на первом учредительном съезде в конце ноября 1905 г. Главной целью Союза, провозглашенной в уставе, являлась защита “...земельной собственности и объединение деятельности лиц, признающих право частной собственности основой существования государства...”. Новая партия выступала за “доминирование дворян в государственном и местном самоуправлении”, а также требовала покончить с революцией и возвратиться к старым порядкам [13, с. 162-164]. Согласно уставу Союза в промежутках между съездами высшим ор-

ганом организации признавался центральный совет во главе с правлением, а в губерниях и уездах создавались соответствующие местные отделения. Как филиал этой партии в ноябре 1905 г. возник Союз белорусских земельных собственников с активно действующими отделениями в Минской, Витебской и Могилевской губерниях [20, с. 434].

Таким образом, накануне и в начале первой русской революции монархическое движение представляло собой быстро растущую и широко разветвленную политическую силу. Однако по причине своей организационной разобщенности и узости социальной базы (элитарный, привилегированный состав большинства ведущих партий и союзов, ограниченность их деятельности в основном центральными губерниями империи. – К.Б.) оно не было способным в должной мере вести успешную борьбу с революционно-демократическими и либерально-буржуазными политическими образованиями в защиту самодержавного строя. Для решения этой задачи нужна была массовая, всеобщая общероссийская монархическая партия, умеющая прикрыть свою истинную сущность и цели внешним, “народным”, демократизмом.

Такой массовой политической организацией сторонников традиционной идеологии правого консерватизма, получившей поддержку царя и правящих кругов, стал созданный 8 ноября 1905 г. в Петербурге Союз русского народа (СРН). Председателем партии и его Главного Совета был избран действительный статский советник доктор медицины Александр Иванович Дубровин (1855 – 1921 гг.). Товарищами (заместителями) председателя стали: крупный бессарабский помещик Владимир Митрофанович Пуришкевич (1870 – 1920 гг.) и Александр Иосифович Тришатный (годы жизни неизвестны), инженер по образованию, автор устава Союза и организатор его местных отделов и подотделов. Руководство Союзом осуществлял Главный Совет, местом пребывания которого был определен Петербург. Высшим органом СРН являлось совместное собрание членов-учредителей и Главного Совета, а на местах создавались губернские, городские, уездные отделы и сельские подотделы. Всего с 1905 по 1917 г. (по данным Л.М. Спирина. – К.Б.) Главный Совет СРН вел переписку с 600 отделами и подотделами, хотя такое число местных организаций никогда не существовало одновременно [13, с. 165-166].

Возникнув на подъеме революции, Союз русского народа быстро завоевал популярность и вышел за пределы Петербурга и крупных губернских городов. Его отделы широко распространились на периферии, в том числе и на территории тогдашних белорусских земель. Более половины их сосредоточивалось в 15 губерниях Европейской России, так называемой “черте еврейской оседлости”, в районах со смешанным населением, с крайне разношерстным национальным составом и наличием различных религиозных конфессий. И наоборот, в регионах со сплошным этническим русским населением “черносотенцы” не пользовались успехом, и их организации здесь исчислялись единицами. Практически полностью они отсутствовали в губерниях, где русское население составляло незначительное меньшинство (Финляндия, Средняя Азия, Кавказ и т.д.). Это объяснялось тем, что основополагающими постулатами СРН были: неограниченная самодержавная власть русского царя, главенство православной веры и истинно русских людей, под которыми понимались собственно русские, украинцы и белорусы на “коренной” территории империи. Отсюда вытекала крайняя нетерпимость союзников по всему иностранному, нерусскому, что, в свою очередь, вызывало противодействие обиженной стороны – сил, стремящихся к изменению существующего строя и введению в стране демократических начал. Ставка Союза Русского Народа на православие, самодержавие и народность –

традиционные устои русского бытия, его безоговорочные призывы к сохранению и укреплению единой и неделимой России, неприкрытый, агрессивный антисемитизм соответствовали менталитету монархически настроенной части населения, причем самых различных его социальных слоев.

Пик крайне правого монархического движения совпал по времени с поражением первой русской революции, за годы которой Союз русского народа стал действительно всероссийской организацией, естественной и надежной опорой царизма и всех антиреволюционных, консервативных сил российского общества. Не случайно Николай II в телеграмме СРН 5 июня 1907 г. заявил: "Да будет же мне Союз русского народа надежной опорой, служа для всех и во всем примером законности и порядка" [9, с. 341]. Казалось бы, положение крайне правых в государстве и обществе прочно как никогда.

Однако после разгона II Государственной думы 3 июня 1907 г. ситуация стала меняться. Государственный переворот был воспринят крайне правыми с энтузиазмом и ликованием. Новый избирательный закон обеспечивал монархистам возможность добиться приемлемого для себя состава депутатского корпуса III и IV Думы, так как он давал на выборах преимущество господствующим классам, что, собственно, и произошло в 1907 и 1912 гг. Но во многом неожиданно для монархистов их популярность и влияние в обществе стали заметно падать. Монархическое движение, как политическое явление российской действительности, вступило в полосу внутреннего кризиса, одним из первых проявлений которого стал раскол Союза русского народа, а затем и движения в целом.

Дело в том, что стремление председателя СРН А.И. Дубровина к единоличной власти в Главном Совете партии вызвало противодействие со стороны двух других лидеров – В.М. Пуришкевича и И.И. Восторгова, которые также претендовали на первые роли в движении. Последний в августе 1907 г. обвинил председателя Союза в диктатуре и финансовых махинациях, приведших якобы к растрате партийных денег и т.п. Оправдываясь, А.И. Дубровин в свою очередь взвалил вину за имеющиеся место трудности и просчеты в деятельности Союза на своего заместителя В.М. Пуришкевича, приписав тому похищение части партийного архива и организацию внутрипартийной склоки. В итоге этих разборок В.М. Пуришкевич вышел из партии и ее Главного Совета. Вслед за ним ушел и И.И. Восторгов. В декабре 1907 г. В.М. Пуришкевич с благословения премьер-министра П.А. Столыпина и при поддержке Департамента полиции Министерства внутренних дел (ДП МВД) создает новую партию – Русский народный союз имени Михаила Архангела (СМА) и становится его председателем. В марте 1908 г. новая монархическая организация была официально зарегистрирована [21, с. 7].

П.А. Столыпин, будучи премьером и одновременно министром внутренних дел, вполне сознательно и умело использовал обострившиеся отношения в руководстве Главного Совета СРН в целях дискредитации движения и подрыва его влияния в правящих кругах империи. Бесспорно, правые партии и их местные отделы и подотделы объективно были основной реальной ударной силой в борьбе с революционной уличной толпой. После ее умиротворения, почувствовав под ногами твердую почву, правительство встало на путь поиска новых союзников в лице сторонников частичных реформ в рамках сохранения монархического строя. Такой опорой верхов в проведении новой политики стали консервативные буржуазные партии октябристов, прогрессистов и т.п. Охлаждению отношений правящих кругов к своим недавним "собратьям по оружию" и переориентации на буржуазные партии во многом способствовало обществен-

ное мнение, открыто осуждающее радикализм крайне правых, а также определенное давление на царя и правительство со стороны своих и иностранных финансовых и промышленных магнатов, заинтересованных в более быстром капиталистическом развитии страны. Нужно подчеркнуть в этом плане и немаловажное значение для руководства России мнения внешнеполитических союзников, других ведущих западных государств. Более того, правительство П.А. Столыпина не желало иметь рядом с собой "второго правительства" в лице авторитетных, многотысячных союзов монархистов, стремящихся к тому же добиться объединения в единую мощную организацию, способную реально противодействовать любым попыткам даже внешнего ограничения самодержавия и какого бы то ни было изменения старых порядков. В связи с этим П.А. Столыпин и его ближайшее окружение преднамеренно предприняли ряд шагов, направленных на подрыв Союза русского народа, чтобы не только трансформировать признанного лидера крайне правых консерваторов в послушное орудие правительства, но и устранить его с политической арены как своего главного политического соперника. Николаю II удалось внушить, что отделы и подотделы СРН и других союзов на местах представляют собой незначительные по численности и влиянию организации, к тому же порочащие своей деятельностью двор и миротворческую политику самого царя. Монархические союзы стали обвинять во всех грязных делах в годы революции, на них списывались чуть ли не все кровавые деяния царского режима – от инициирования политических убийств до организации погромов. Роль вдохновителя и руководителя всех этих злодеяний официальная и либеральная пресса (не без одобрения верхов) стала приписывать лидеру крайне правых, председателю СРН – А.И. Дубровину.

Одновременно с расколом внутри СРН усиливается оппозиция А.И. Дубровину и его окружению со стороны правых "обновленцев" во главе с Н.Е. Марковым (Марков II) и Э.И. Коновницыным, отдающим приоритет парламентским средствам в решении спорных вопросов общественной жизни. В 1909 – 1910 гг. обновленцам при поддержке ДП МВД удалось отстранить А.И. Дубровина от руководства СРН. Председателем Главного Совета становится князь Э.И. Коновницын, его заместителем и фактическим лидером партии – Марков II. В ноябре 1911 г. сторонники А.И. Дубровина провели в Москве свой съезд, на котором провозгласили образование Всероссийского Дубровинского Союза русского народа (ВДСРН). Устав новой партии был официально зарегистрирован в августе 1912 г. и практически ничем не отличался от своего предшественника [15, с. 28-29]. Таким образом, к концу 1911 г. в России из единого СРН возникли три фактически самостоятельные партии – СМА, СРН-обновленческий и ВДСРН, каждая из которых претендовала на роль лидера и вождя всего российского монархического движения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уваров Сергей Семенович (25.VIII.1786 – 4.IX.1855) // Советская историческая энциклопедия. – М., 1973. – Т. 14. – С. 643.
2. **Иванов, О.А.** Идеология "православие, самодержавие, народность" С.С. Уварова / О.А. Иванов // Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее: сб. науч. трудов. – Воронеж, 2001. – Вып. 1. – С. 92-111.
3. Славянофилы // Большая советская энциклопедия. – М., 1976. – Т. 23: САФЛОР – СОАН. – С. 550.
4. **Хомяков, Д.А.** Православие, Самодержавие, Народность / Д.А. Хомяков. – Минск, 1997. – 208 с.
5. **Гусев, В.А.** Д.А. Хомяков: интерпретация девиза "Православие. Самодержавие. Народность" / В.А. Гусев // Социально-политический журнал. – 1992. – № 10. – С. 82-89.
6. Современная западная социология: словарь. – М.: Политиздат, 1990. – 432 с.

7. Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее: сб. науч. трудов / отв. ред. А.Ю. Минаев. – Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2001. – Вып. 1. – 264 с.; Эволюция консерватизма: европейская традиция и русский опыт. – Самара, 2002; **Карцов, А.С.** Правая идеология русского консерватизма / Моск. Обществ. науч. фонд; А.С. Карцов. – М., 1999. – 223 с.; **Лукьянов, М.Н.** Российский консерватизм и реформа. 1907 – 1914 / М.Н. Лукьянов. – Пермь, 2004.
8. **Кожин, В.** Загадочные страницы истории XX века. Статья первая “Черносотенцы” и революция / В. Кожин // Наш современник. – 1994. – № 1. – С. 142-152.
9. Правые партии. Документы и материалы: в 2 т. – М.: РОССПЭН, 1998. – Т. 1: 1905 – 1910 гг. – 832 с.; Т. 2: 1911 – 1917. – 816 с.
10. **Кожин, В.В.** Черносотенцы / В.В. Кожин. – М.: Эксмо; Алгоритм, 2004. – 384 с.
11. **Степанов, С.А.** Черная сотня в России (1905 – 1914 гг.) / С.А. Степанов. – М.: Росвузнаука, 1992. – 330 с.
12. **Ленин, В.И.** Полн. собр. соч.: в 55 т. – М., 1980. – Т. 24. – 565 с.
13. **Спирин, Л.М.** Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. – 1920 г.) / Л.М. Спирин. – М.: Мысль, 1977. – 366 с.
14. Программы политических партий России. Конец XIX – начало XX вв. / отв. ред. В.В. Шелохаев. – М.: Рос. полит. энцикл., 1995. – 463 с.
15. **Бондаренко, К.М.** Русские и белорусские монархисты в начале XX века / К.М. Бондаренко, Д.С. Лавринович. – Могилев, 2003. – 212 с.
16. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Фонд 102.00. 1906 г. – Оп. 236. – Д. 186. О совете Русского собрания.
17. **Кирьянов, Ю.И.** Русское собрание 1900 – 1917 / Ю.И. Кирьянов; Ин-т рос. Истории РАН. – М.: РОССПЭН, 2003. – 352 с.
18. ГАРФ – Фонд 102.00. 1906 г. – Оп. 236. – Д. 550. – Т. 2. Переписка о предупреждении погромов.
19. ГАРФ – Фонд 102.00. 1906 г. – Оп. 236. – Д. 828. – Ч. 1. Наряд по секретным перепискам по Витебской губернии.
20. **Шардыка, І.** Саюз беларускіх зямельных уласнікаў / І. Шардыка // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. – Мінск, 2003. – Т. 6. – Кн. 2: Усвёя – Яшын. – С. 434-435.
21. **Кирьянов, Ю.И.** Правые партии в России. 1911 – 1917 / Ю.И. Кирьянов. – М.: РОССПЭН, 2001. – 464 с.

Поступила в редакцию 20.06.2007 г.